

ПОЛЬСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБ ИДЕЯХ В РОССИИ

**А. де Лазари
(Лодзь, Польша)**

Провал коммунизма повлек за собой в Польше упадок преподавания русского языка. Раньше преподавался он как обязательный, теперь стал одним из тех, которые ученик может выбрать, но, как правило, если есть у него такая возможность — не выбирает. Предпочитает английский, потом — немецкий, французский и испанский; русский «выбирает» чаще всего в деревнях и городках — тогда, когда выбора нет, так как школа за ничтожную плату не может найти преподавателя другого языка.

То же самое происходит в университетах. На русскую филологию поступают, в основном, те молодые люди, у которых нет шансов поступить на другой факультет.

И вот в таких, казалось бы, неблагоприятных условиях, по словам Анджее Валицкого, в одном Кракове больше серьезных «россиеведов», чем во всех Соединенных Штатах Америки. Как это объяснить? Думаю, что довольно просто: 1 — нет цензуры, занимайся чем хочешь, с работы не уво-

не уволят; 2 — Россия была и осталась для мыслящих поляков «роковым вопросом», загадкой, которую стоит исследовать; 3 — Россия все не определила своего пути в будущее, поэтому — есть чего опасаться.

В Польше, к счастью, на большинстве философских кафедр давно, с шестидесятых лет, забыто время идеологического утверждения тем кандидатских и докторских диссертаций. Благодаря этому могли появляться работы, на которые не повлияла коммунистическая идеология. По «русскому вопросу» к таким причислю прежде всего ряд книг учителя всех будущих польских «россиеведов» Анджея Валицкого: *Личность и история (Osobowość a historia. Studia z dziejów literatury i myśli rosyjskiej, Warszawa 1959; переиздание: Idea wolności u myślicieli rosyjskich. Studia z lat 1955-1959, Kraków 2000), В кругу консервативной утопии. Структура и преобразования русского славянофильства (W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa, Warszawa 1964; переведенная на английский, итальянский и украинский языки, польское переиздание появится в этом году), Русская философия и общественная мысль от просвещения до марксизма (Rosyjska filozofia i myśl społeczna od Oświecenia do marksizmu, Warszawa 1973; переведенная на английский язык и многократно переиздаваемая в Англии и Америке) и многие другие его ~~Работы~~ ^{Работы}, наряду с Брониславом Бачкой, Лешек Колаковским и Ежим Шацким, — основоположник варшавской школы истории идей (см. R. Sitek, *Warszawska szkoła historii idei, Warszawa 2000*). Благодаря ему и его ученикам можно говорить уже также и о польской школе истории русских идей. Думаю, что русскому историку идей небезынтересно будет узнать, о чем пишут польские исследователи, и поэтому перечислю ряд фамилий и заглавий книг, изданных за последние 12 лет.*

Россией как «роковым вопросом» и загадкой занимаются:

Анджей Андрусевич, *Миф России. Исследования по истории и философии русских элит (Mit Rosji. Studia z dziejów i filozofii rosyjskich elit, Rzeszów 1994)*;

Адам Безвински, *Иван Куреевский — критик и мыслитель. Корни русского национализма (Iwan Kiriejewski — krytyk i myśliciel. Korzenie rosyjskiego nacjonalizmu, Toruń 1993)*;

Роман Беккер, *Довоенное Евразийство. От интеллектуальной контр-культурации к тоталитаризму? (Międzywojenny eurazjyzm. Od intelektualnej kontrkulturacji do totalitaryzmu?, Łódź 2000)*;

Михал Бохун, *Федор Достоевский и идея провала европейской цивилизации, (Fiodor Dostojewski i idea upadku cywilizacji europejskiej, Katowice*

1996); *Контрреволюция и пессимизм. Общественная философия Константина Леонтьева (Filozofia i pesymizm. Filozofia społeczna Konstantina Leontjewa, Kraków 2000)*;

Мариян Брода, *Загадка Леонтьева и Россия (Najtrudniejsze z rosyjskich wuzwań? Zagadka Leontjewa i Rosja, Łódź 1994)*; *Проблемы с Леонтьевым, Москва 2001*;

Анджей Валицки, *Александр Герцен, польский вопрос и источники некоторых стереотипов (Aleksander Hercen, kwestia polska i geneza pewnych stereotypów, Warszawa 1991)*; *Философия права русского либерализма (перевод с английского: Filozofia prawa rosyjskiego liberalizmu, Warszawa 1995)*; *Марксизм и прыжок в царство свободы. История коммунистической утопии (перевод с английского: Marksizm i skok do królestwa wolności. Dzieje komunistycznej utopii, Warszawa 1996)*;

Збигнев Вальчак, *Теория общественного развития Георгия Плеханова (Jerzego Plechanowa teoria rozwoju społecznego, Łódź 1991)*;

Цезары Водзиники, *Знание и спасение. Эскиз мысли Льва Шестова (Wiedza a zbawienie. Studium myśli Lwa Szetowa, Warszawa 1991)*;

Иоахим Дец, *Шут Апокалипсиса. Василий Розанов как писатель и критик (Błazen Apokalipsy. Wasilij Rozanow jako pisarz i krytyk, Kraków 1993)*;

Януш Добешевски [ed.], *В кругу славянофильства (Wokół słowianofilstwa, Warszawa 1998)*; *В кругу Толстого и Достоевского (Wokół Tolstoja i Dostojewskiego, Warszawa 2000)*;

Божена Жеймо, *Этические проблемы в современной русской прозе и публицистике (Problemy etyczne we współczesnej prozie i publicystyce rosyjskiej, Łódź 2000)*;

Ежи Капусцик, *Смысл жизни. Антропологические аспекты духовного возрождения XX века в свете православия (Sens życia. Antropologiczne aspekty renesansu duchowego XX wieku w świetle prawosławia, Kraków 2000)*;

Лилианна Кейзик, *Владимир Соловьев (Włodzimierz Solowjow, Zielona Góra 1997)*;

Ганна Ковальска, *Древнерусская культура. Традиция и изменения (Kultura staroruska XI–XVI w. Tradycja i zmiana, Kraków 1998)*;

Анджей де Лазари, *Почвенничество. Из исследований по истории идей в России (Poczwinnictwo. Z badań nad historią idei w Rosji, Łódź 1988)*; переиздание: *W kręgu Fiodora Dostojewskiego. Poczwinnictwo, Łódź 2000*); *«Последний романтик» Аполлон Григорьев. Эскиз монографии мировоззрения («Ostatni romantyk» Apollon Grigorjew. Zarys monografii światopoglądu, Katowice 1996)*;

Славомир Мазурек, *Катастрофические мотивы в русской и польской мысли 1917-1950 (Wątki katastroficzne w myśli rosyjskiej i polskiej 1917-1950, Wrocław 1997)*;

Збигнев Мусял, *Разногласия вокруг Плеханова. Основы и результаты (Kontrowersje wokół Plechanowa. Podłoże i następstwa, Warszawa 1990)*;

Барбара Оляшек, *Дмитрий Писарев. Вокруг проблем позитивизма в России (Dymitr Pisariew. Wokół problemów pozytywizmu w Rosji, Łódź 1997)*;

Адам Островски, *Бердяев. Существование в эсхатологической перспективе (Bierdiajew. Egzystencja w perspektywie eschatologicznej, Lublin 1999)*;

Юзеф Павляк, *История и прогресс. О общественной философии Юрия Плеханова (Historia i postęp. Studium z filozofii społecznej Jerzego Plechanowa, Warszawa 1990)*; *Интуиция и действительность. Гносеологические взгляды Николая Лосского (Intuicja i rzeczywistość. Poglądy gnoseologiczne Mikołaja Łoskiego, Toruń 1996)*;

Генрих Папроцки, *Лев и мышь или Тайна человека. О героях Достоевского (Lew i mysz czyli Tajemnica człowieka. Esej o bohaterach Dostojewskiego, Białystok 1997)*;

Телесфор Позняк, *Достоевский и Восток (Dostojewski i Wschód, Wrocław 1992)*;

Адам Поморски, *Душевный пролетарий. К вопросу о истории общественного ламаркизма и русского космизма XIX-XX веков На полях антиутопии Андрея Платонова, (Duchowy proletariusz. Przyczynek do dziejów lamarkizmu społecznego i rosyjskiego kosmizmu XIX-XX wieku. Na marginesie antyutopii Andrieja Płatonowa, Warszawa 1996)*;

Гжегож Пшебинда, *Владимир Соловьев перед историей (Włodzimierz Sołowjow wobec historii, Kraków 1992)*; *Николай Чернышевский — поздний внук просвещения (Mikołaj Czernyszewski — późny wnuk Oświecenia, Katowice 1996)*; *От Чаадаева до Бердяева. Тяжба о Боге и человеке в русской мысли. 1832-1922 (Od Czaadajewa do Bierdiajewa. Spór o Boga i człowieka w myśli rosyjskiej 1832-1922, Kraków 1998)*;

Эльжбета Пшибыл, *В тени Антихриста. Идеи старообрядцев в XVII веке (W cieniu Antychrysta. Idee staroobrzędowców w XVII w., Kraków 1999)*; *Православие (Prawosławie, Kraków 2000)*;

Влодзимеж Рыдзевски, *Возвращение Бакунина. Очерки о «русской идее» и мифах левых (Powrót Bakunina. Szkice o «rosyjskiej idei» i mitach lewicy, Kraków 1993)*; [ed.] *Русская философия перед проблемами модернизации (Filozofia rosyjska wobec problemów modernizacyjnych, Kraków 1999)*;

Рафал Стобецки, *Большевизм и история. Попытка реконструкции большевистской философии истории (Bolszewizm a historia. Próba rekonstrukcji bolszewickiej filozofii dziejów)*, Łódź 1998);

Марек Стычински, *Общественная философия Александра Богданова (Filozofia społeczna Aleksandra Bogdanowa)*, Łódź 1990); *Amor futuri или осуществленная эсхатология. Исследования о мысли Николая Бердяева (Amor futuri albo eschatologia zrealizowana. Studia nad myślą Mikołaja Biediajewa)*, Łódź 1992);

Люциан Суханек, *Александр Солженицын. Писатель и публицист (Aleksander Solżenicyn. Pisarz i publicysta)*, Kraków 1994); *Гомо советикус, светлое будущее, гнилой Запад. Творчество Александра Зиновьева (Homo sovieticus, świetlana przyszłość, gnijący Zachód. Pisarstwo Aleksandra Zinowiewa)*, Kraków 1999);

Ирена Фиялковска-Яняк, *У церковных стен: о философско-религиозном творчестве Василия Розанова (U ścian cerkiewnych: o twórczości filozoficzno-religijnej Wasyla Rozanowa)*, Gdańsk 1993);

Россию как страну, не определившую своего пути в будущее исследуют:

Ярослав Браткевич, *Великорусский шовинизм в свете теории продолжения (Wielkoruski szowinizm w świetle teorii kontynuacji)*, Warszawa 1991); *Русские националисты в годы 1992-1996 (Rosyjscy nacjonaliści w latach 1992-1996. Od detradycjonalizacji do retradycjonalizacji)*, Warszawa 1998);

Стефан Гжибовски [ed.], *Между Европой и Азией. Идея России-Евразии (Między Europą a Azją. Idea Rosji-Eurazji)*, Toruń 1998);

Анджей де Лазари, *Будет ли Москва Третьим Римом? Исследования о русском национализме (Czy Moskwa będzie Trzecim Rzymem? Studia o nacjonalizmie rosyjskim)*, Katowice 1996);

Анджей Новак, *Поляки, русские и бесы. Исторические эскизы о XIX и XX веке (Polacy, Rosjanie i biesy. Studia i szkice historyczne z XIX i XX wieku)*, Kraków 1998);

Рышард Парадовски, *Идея России-Евразии и научный национализм Льва Гумилева. Попытка реконструкции евразийской идеологии (Idea Rosji-Eurazji i naukowy nacjonalizm Lwa Gumilowa. Próba rekonstrukcji ideologii eurazjatyżmu)*, Warszawa 1996);

Марек Стычински, *Об идеях, что злоеице бывають. Восприятие русской философско-политической мысли в Польше после 1989 года (O ideach, że złowrogie bywają. Recepcja rosyjskiej myśli filozoficzno-politycznej w Polsce po roku 1989)*, Łódź 1999).

Я не перечислил, конечно, всех фамилий и заглавий. Остановлюсь зато на издании, которое, как кажется, лучше всего характеризует польские исследования о русской мысли, так как в нем приняло участие большинство из упомянутых авторов (помогли нам также многие ученые из других стран, а прежде всего русские). Говорю о коллективном труде — русско-польско-английском лексиконе *Идеи в России*, под моей редакцией — четвертый том которого только-то вышел из печати. Нашу работу представлю на основе вступительных статей к очередным томам.

Изучая другие культуры, часто, не определив дефиницию, мы употребляем понятия и категории, значение которых в сознании нашей культуры закрепилось иначе, чем в изучаемой, или наоборот — делаем кальку понятия, не задумываясь над тем, что в нашей культуре оно обозначает что-то другое. Мы ведем разговор, который не является диалогом, так как понимаем лишь себя, забывая о собеседнике. «Умом Россию не понять» — сказал романтик Федор Тютчев в 1866 году. Мысль Тютчева «поймем» лишь тогда, когда осознаем факт, что русская культура как правило иначе понимает категорию разума, что «ум-разум» здесь — это своего рода синоним «Запада» (рационализма унаследованного от Рима). Переводя мысль Тютчева на языки других культур, можно было бы сказать, что «Западу Россию не понять».

Более литературно этот вопрос объяснил Мариуш Вильк (*Wilczy notes, Gdańsk 1998*): «Чужеземец, пишущий о России... переводит русскую действительность на свой язык (слово 'переводить' употребляю в значении латинского *interpretor* — объясняю, понимаю, решаю). Но ведь эта действительность существует в русском языке — в нем складывалась веками. Некогда слово 'язык' обозначало и 'язык' и 'народ', так как в языке, как нигде более, отражается народ — его дух, быт, жизнь. Два года пришлось мне жить в России, чтобы осознать, что чужеземец не в состоянии понять эту страну, думая и рассуждая о ней на своем родном языке. Наконец я понял, что русскую действительность следует познавать через русский язык и лишь потом, прожив здесь некоторое время, можно попробовать этот опыт перевести на польский язык. Когда я стал писать о России, заметил, что некоторые русские слова, хотя у них и есть польский эквивалент, говорят о другом опыте, о другом мире. Чем дольше здесь живу, тем лучше чувствую слова-ключи, слова-знаки, слова-мифы, обозначающие гораздо больше самих слов. Вот картошка... В Польше — это *kartofel* (все чаще *potato*), один из гарниров, и говорят, что от нее толстеют, и едят все меньше. Зато здесь картошка — это основа еды, ритуал и способ жизни.

Весной картошку сажают, летом окучивают, осенью копают, а зимой на картошке зимуют. Ополячить картошку и назвать ее *kartofle* или *ziemniaki* — это лишить ее всего магического и живительного смысла.. Даже больше — это переводить саму действительность (в значении латинского *transfero*), значит... терять ее в процессе перевода).

Другой пример. Категория «демократии» в «западной» культуре тесно связана с «политической свободой» и либерализмом. Мы воспринимаем ее как положительную ценность. По-другому в России. Там «демократию» противопоставляют, напр., «аристократии», из сферы политики переносят ее в социальную действительность и говорят, например, о «революционных демократах» (противопоставляя их либералам). Мы делаем кальку этого бессмысленного в нашей «западной» культуре понятия и говорим о нем всерьез, забывая, что в нашем понимании мира «демократия» и «революция» не совместимы, как и не совместимы «демократия» и «нигилизм». Стоит задуматься над словами Солженицына о современной России: «Горе стране, где слова «патриот» или «демократ» считаются бранью...»

Если хотим (вопреки Тютчеву) понять Россию, то должны еще раз вернуться к истокам и начать описывать понятия и категории русской культуры. Такую задачу поставили перед собой авторы лексикона.

Лексикон *Идеи в России* рассчитан на около 600 персональных и проблемных статей. Предполагаем, что он дополнит уже имеющиеся энциклопедии и словари новым освещением проявлений в теологической, философской, общественной и политической мысли России от средневековья до современности. Множественное число в названии лексикона — *Идеи* — отражает нашу открытость на многообразие русской интеллектуальной традиции, представляющейся нам гораздо богаче, чем стереотип «русской идеи». Выражение — *в России* — следует понимать прежде всего в культурном, а не в территориально-политическом плане: имеются в виду идеи, которые возникли в русской культуре, в том числе и в эмиграционной.

Лексикон не претендует на исчерпывающий перечень понятий или идей, лежащих в основе всех суждений, позиций и концептуализаций. Наряду с идеями, характеризующими русских мыслителей, мы описываем прежде всего явления русской культуры, осознанные ею самой или же подмеченные внешними наблюдателями. Персональные статьи не содержат, как правило, биографических данных (имеющихся в других изданиях), за исключением года рождения и смерти мыслителя (а в случае эмиграции — и ее дат).

На проблему идей в России пытаемся взглянуть по-новому, нередко противоречиво. Мы не претендуем однако на единственно верные «объективные

прочтения». Лексикон — результат работы авторов из разных научных центров, представляющих разные культуры, специальности и исследовательские методы. Он полифоничен по своему замыслу и в плане содержания, и в плане формы. Авторам статей предъявлялось требование отказаться от «безопасного объективизма» ради собственной интерпретации проблемы. Отсюда некоторые из заглавных слов получили по два (или больше) альтернативных, дополняющих друг друга текста. Содержание статей должно побуждать к дискуссии и порождать новые интерпретационные решения.

Период коренной переоценки, начавшийся в русской мысли с концом XX в., убеждает нас в правоте выбора концепции лексикона. Очередной раз Россия встает перед необходимостью определить свою самоидентичность и свое отношение к внешнему миру. Интересующийся же Россией Запад хотел бы лучше понять русские ментальные категории на желательном широком историческом и культурном фоне. В лексиконе стремимся представить многообразие интеллектуальных поисков, интегральным элементом которых являются усилия по-новому определить отношение к русской религиозной, интеллектуальной и общественно-культурной традиции. Наличие в лексиконе большого количества статей зарубежных авторов свидетельствует о том, что весомость освещаемых проблем далеко выходит за пределы России. Надеемся, что плюрализм интерпретаций послужит межкультурному диалогу.

В лексиконе допускается жанровая неоднородность статей (представляющих мыслителей, группировки, понятия, культурные, религиозные и общественные институты), ориентированных на дефиниции, интерпретации и предложения постановки проблем. Мы не ограничиваемся фиксированием фактов, но стараемся показать, как они действуют в качестве носителей определенного культурного смысла и какую парадигму значений приобретают в России.

В библиографии помещены важнейшие работы, связанные с данным заглавным словом. В персональных статьях вначале приводятся основные труды мыслителя с указанием года их возникновения или первого издания. Не учитываются здесь, как правило, информации о собраниях сочинений доступные в других энциклопедиях.

Лексикон был задуман в четырех томах. Однако мы не ожидали, что объем поступающего к нам материала будет постоянно расти. Кроме того, освещения не получили ряд важных явлений. Поэтому мы дополним нашу работу пятым томом.

Когда в 1995 г. в качестве заявки на *Идеи в России* мы издали на польском и английском языках словарь *Русская ментальность* (Katowice

1995), светлой памяти Михаил Геллер сочувственно советовал нам на страницах «Русской мысли» (1995, № 4087; *Глазами историка. Визит к дантисту*) — обратиться к зубному врачу... Не пощадил нас и его сын Леонид Геллер, написавший содержательные отзывы в журналы «Новое литературное обозрение» (1996, № 21) и «Slavica Tergestina» (1996, № 4). Отчитали нас и другие рецензенты... Наш словарь многих удивил, иных возмутил, но среди его читателей оказались и те, кто вскоре изъявил желание сотрудничать с нами. Мы, разумеется, не претендовали на исключительное обладание истиной о России, как это могло показаться некоторым авторам отзывов о *Ментальности*. Очередные тома *Идей* убедили читателей в том, что нам чужды категорические утверждения. Наша задача состоит в представлении разных интерпретаций, порой противоречащих друг другу. Потому и отзывы на очередные тома *Идей* отличаются как в стилистическом, так и познавательном плане. Никто уже не советует нам идти к зубному врачу...

Мы будем благодарны за все новые критические замечания, новые статьи и альтернативную трактовку предложенных нами интерпретаций. Материалы просим направлять по адресу: delazari@pism.pl